

УДК 726.03

**К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ
В ЗОДЧЕСТВЕ ЗАПАДНОЙ РУСИ XII ВЕКА
(ГРОДНО, ВИТЕБСК, ПОЛОЦК)**

канд. ист. наук, доц. О.М. ИОАННИСЯН
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

В зодчестве Витебска, Гродно и Полоцка присутствуют черты, сходство с которыми имеет совершенно определенный адрес – совсем на другом конце христианского мира эпохи Средневековья – в странах восточнохристианского (византийского) мира. В рамках этого сообщения не ставится цель подробно рассмотреть пути их проникновения в зодчество Западной Руси, а лишь обратить внимание на это обстоятельство.

Ключевые слова: зодчество, византийские традиции, Полоцкая земля, Гродненское княжество.

Зодчество западных территорий Древней Руси – Полоцкой земли и Гродненского княжества, занимает совершенно особое место в истории древнерусской архитектуры. Оно настолько самобытно, что историки архитектуры вот уже в течение почти полутора веков пытаются определить его истоки. В последнее время многие исследователи в своих поисках пытаются обратиться к романскому Западу, однако в романской архитектуре, если и можно найти какие-то совпадения с особенностями зодчества архитектурно-строительных центров Западной Руси, то они будут либо весьма опосредованными, либо лежащими в плоскости общих закономерностей развития средневековой архитектуры, которые далеко не всегда предполагают наличие прямых контактов между различными традициями средневековой архитектуры.

Вместе с тем в зодчестве Витебска, Гродно и Полоцка присутствуют черты, сходство с которыми имеет совершенно определенный адрес – совсем на другом конце христианского мира эпохи Средневековья – в странах восточнохристианского (византийского) мира. В рамках этого сообщения не ставится цель подробно рассмотреть пути их проникновения в зодчество Западной Руси, а лишь обратить внимание на это обстоятельство.

Начнем с зодчества древнего Гродно.

Гродненская школа зодчества складывается позже всех остальных школ зодчества Древней Руси и существует очень недолго. Точной датировки гродненского строительства не существует, т.к. ни один письменный источник о нем не сообщает. По мнению П.А. Раппопорта, время ее существования можно отнести к 80–90-м годам XII в. [1, с. 87], однако, на наш взгляд, хронологические границы развития гродненского строительства могут и должны быть уточнены, хотя они и не выйдут за пределы рубежа XII и XIII вв.

Город Гродно был центром княжества, расположенного на западе Руси в бассейне реки Неман к северу от Волынского княжества и западу от Полоцкого [2, с. 9–15; 3, 22–24]. С середины XIV в. эта территория в источниках обычно называется Черной Русью [4, с. 17]. В состав княжества входило несколько городов: Волковыск, Слоним, Здитов, Турейск, Вевереск, Новогрудок [3, с. 13]. Время возникновения этого княжества неизвестно, однако городенские князья упоминаются летописью уже с 1116 г. [2, 13]. Практически все упоминания Гродно и Гродненского княжества в XII–XIII вв. говорят о том, что, даже будучи самостоятельным, оно постоянно входило в орбиту политической истории Киевской земли и Волыни [2, с. 13–15]. Показательно, что упоминаемые летописью гродненские (городенские) князья происходят из потомства волынского князя Давида Игоревича [5, с. 30]. Правда, на протяжении XII в. определенные политические связи у Гродно и его князей возникали и с соседней Полоцкой землей, хотя этой не дает основания вслед за В.Е. Данилевичем считать, что Гродненское княжество было одним из ее уделов [6, с. 258].

Первая попытка начать строительство на территории этой земли относится еще к 1130-м годам и связана с созданием храма в Новогрудке. Этот памятник носит двойственный характер:

Археалогія і фізічная антрапалогія Паўночнай Беларусі і сумежных тэрыторый у еўрапейскім кантэксце с одной стороны, он обязан своим происхождением артели мастеров, пришедших из Витебска, находившегося в Полоцкой земле, а также мастерам, пришедшим из самого Полоцка, с другой – инициатива его создания принадлежала волынским или киевским князьям, также, как и его тип, связанный с традициями киевского зодчества. Впрочем, строительство храма в Новогрудке стало всего лишь эпизодом и в дальнейшем на протяжении почти полувека никаких попыток строительной деятельности на территории Гродненского княжества не предпринималось. Тем более удивительна вспышка строительной активности в Гродно уже в самом конце XII в.

В эти годы в Гродно один за другим создаются несколько храмов – Борисоглебская на Коложе (Коложская) (рис. 1), так называемая Нижняя церковь на Замковой горе и Пречистенская церковь, терем в Детинце, а также каменные стены Детинца. Судя по характеру плинфы, из которой они возведены, все эти постройки по времени своего создания хронологически далеко не отходят друг от друга и были построены на протяжении сравнительно небольшого промежутка времени.

Рис. 1. Гродно. Церковь Бориса и Глеба (Коложская). Общий вид

Плинфа гродненских построек весьма характерна и опознаваема [2, см. 121–122, 130–135, 138–139], в ней без всякого труда узнается рука полоцких плинфотворителей [1, с. 87]. Но архитектурные формы гродненских построек своеобразны и не повторяют в буквальной точности ни киевские, ни полоцкие памятники. Особой оригинальностью отличается кладка гродненских построек – они возведены в технике, которая не находит прямых аналогий ни в одной из школ древнерусского зодчества домонгольской эпохи.

Несмотря на то, что все гродненские памятники возведены в равнослойной технике, что казалось бы выдает ее киево-волынское происхождение, совершенно необычен вариант этой техники. Наряду с плинфой в гродненских постройках использовано большое количество крупных валунов, образующих (особенно в нижних частях кладки) целые ряды, в которых плинфа фактически используется для выравнивания. С одной стороны, такой прием напоминает принцип использования валунов в кладке «opus mixtum», особенно в том ее варианте, который использовался в киевской архитектуре XI в. Однако там валуны сочетались не с равнослойной кладкой, а с константинопольской кладкой со скрытым рядом. С другой – использование рядов камня с выравнивающими рядами плинфы в какой-то степени напоминает провинциально-византийскую кладку, характерную для ряда областей Греции, Малой Азии, Болгарии и Крыма, и которая еще в первой половине XII в., т.е. примерно за 50 лет до ее появления в Гродно, появилась на Руси – в Витебске и находившемся в той

же Черной Руси Новогрудке. Однако и в провинциально-византийских памятниках основной массив стены состоял из камня, причем тесаного, в то время как ряды плинфы использовались только для выравнивания кладки и устройства арок и сводов. А в Гродно основной массив стены сложен из плинфы, тогда как вставленные в плинфяную кладку валуны играют скорее декоративный, чем конструктивный характер (рис. 2).

Рис. 2. Гродно. Нижняя церковь. Использование валунов в кладке

В еще большей степени декоративность их использования подчеркивалась тем, что выступающая на фасадную поверхность плоскость этих валунов была гладко отшлифована, а сами валуны подобраны не одного, а разных цветов – чтобы создавать эффект полихромной декорации, «синеватая, зеленоватая и красная поверхность камней создавала яркие пятна, контрастирующие с кирпичной фактурой» [1, с. 92]. Еще больше эффект полихромии усиливался тем, что в кладке фасада в чисто декоративных целях были использованы многочисленные поливные керамические плитки, образывавшие на плоскости фасада целые композиции в виде крестов и орнаментальных фигур (рис. 3).

Такой способ использования поливных плиток – явление совершенно уникальное во всем древнерусском зодчестве домонгольской эпохи (во всех остальных случаях этого широко распространенного в Древней Руси декоративного материала он использовался только для устройства полов и никогда не выходил на фасады зданий) [7, с. 47–51, 96–97]. И уже совсем уникальным декоративным приемом украшения фасадов в гродненских памятниках является использование в системе их декорации наряду с полихромными шлифованными камнями и композициями из разноцветных майоликовых плиток, вставленных в плоскость фасадов, и цветных керамических блюд с поливой (рис. 4) [8, с. 129].

Применение большого количества огромных тяжелых валунов привело к существенному утяжелению массива стеной кладки. По-видимому, именно это обстоятельство стало причиной того, что строители гродненских зданий (особенно хорошо это видно на примере сохранившейся на значительную высоту Коложской церкви) использовали в кладке стены большое количество голосников – керамических сосудов, выходящих своими устьями на внутреннюю плоскость стены, т.е. внутрь помещения [7, с. 52]. Конечно, такие сосуды могли служить (и служили) прекрасными резонаторами, усиливающими акустические эффекты в храме, однако истинная цель их использования была иной. В византийской архитектуре с очень раннего времени пустотелые керамические сосуды использовались в кладке сводов для облегчения веса этих конструкций [9, с. 72; 10, с. 46].

Рис. 3. Гродно. Церковь Бориса и Глеба (Коложская).
Использование поливных керамических плиток в декорации фасада

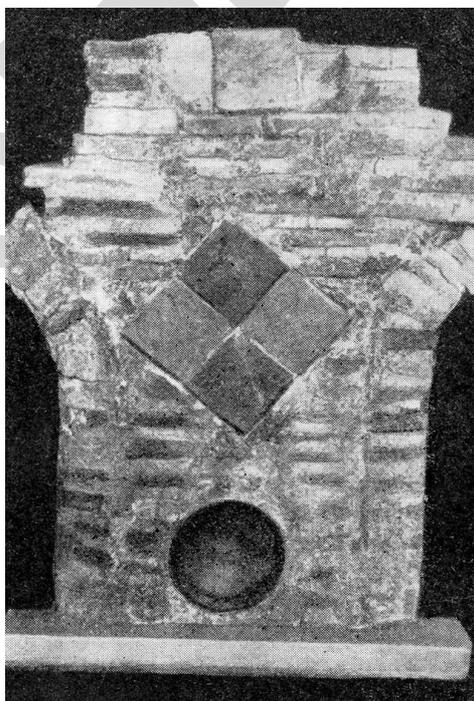

Рис. 4. Гродно. Нижняя церковь.
Использование поливных керамических плиток и поливных сосудов в декорации фасада

Из Византии этот прием приходит и на Русь, где начинает применяться в самых ранних памятниках и используется в дальнейшем практически на всем протяжении развития архитектуры Древней Руси [7, с. 51–53]. Однако во всех этих случаях голосники использовались только для кладки венчающих частей здания и применялись, в основном, в кладке сводов и пазух между ними. В Гродно же, как мы видим это на примере Коложской церкви, включение голосников в кладку начинается уже с высоты около 1,5 м от основания стены [7, с. 52]. Еще более показательно применение голосников в тех частях Коложской церкви, в которых их использование в качестве резонаторов вообще не имело смысла, например, в ступенях лестниц, ведущих на хоры и расположенных в толще стен, а также в перекрывающих лестницу сводиках [2, с. 98].

Точно такая же система кладки с использованием в ней многочисленных голосников была применена и в Нижней церкви [2, с. 122–123]. Памятник этот дошел до нас в виде руин, сохранившихся лишь на высоту около 2–3,5 м [2, с. 108, рис. 56–58], но уже в этих, самых нижних, частях ее стен мы встречаемся с включенными в кладку голосниками. Судя по обилию целых голосников и их фрагментов Н.Н. Воронин сделал заключение, что они «были широко применены в кладке верхних частей стен» [2, с. 123].

Такая система использования керамических сосудов в кладке убеждает нас в том, что основная цель этого заключалась не в создании акустического эффекта, а в облегчении кладки стен, перегруженных обильным использованием в них больших валунов, но имевших при этом довольно небольшую толщину¹

Анализируя характер кладки Нижней церкви, Н.Н. Воронин обратил внимание и еще на одно обстоятельство, приведшее к необходимости использования в кладке гродненских памятников большого количества голосников. «Для кладки Нижней церкви – писал исследователь, – характерна бессистемность в использовании тычка и ложка; перевязь, как правило, не соблюдается. Эта техническая погрешность должна была особенно сказываться при очень небольшой толщине стен» [2, с. 122]. Он обратил внимание и на то, что при такой системе кладки и небольшой толщине стены «фасадные декоративные вставки больших валунов не содействовали стойкости стен» [2, с. 122]. Все это и обусловило использование мастерами, возводившими гродненские постройки, такого оригинального конструктивного приема, как введение в кладку стен большого количества пустотелых керамических сосудов – голосников.

Система использования голосников в кладке конструкций здания, как мы уже отмечали, является обычным приемом как для византийской, так и для древнерусской архитектуры, однако нигде кроме Гродно в архитектуре восточнохристианского мира мы не увидим приема использования голосников в кладке стеновых конструкций. Совершенно очевидно, что эта особенность кладки стен гродненских построек явилась результатом творческих поисков местных мастеров, использовавших широко известный конструктивный прием в невиданном до этого контексте, в результате чего появилась совершенно оригинальная, свойственная только для Гродно, система кладки.

Перейдем теперь к рассмотрению архитектурных особенностей гродненских храмов и начнем с лучше сохранившейся церкви Бориса и Глеба на Коложе (Коложской).² Типологическая схема плана Коложской церкви лежит в русле традиций древнерусского зодчества, однако имеет и некоторые особенности, выделяющие ее из общего потока развития зодчества домонгольской Руси. Она представляет собой трехнефный шестистолпный храм с тремя полукруглыми апсидами, характерный для архитектуры Руси XII в. Однако детали ее композиционного решения не находят аналогий ни в одной из школ зодчества домонгольской Руси.

Первый неожиданный прием композиционного решения проявляется уже на фасадах здания. В Коложской церкви наружные углы западных пилястр здания скошены. Прием использования скошенного наружного угла здания позднее становится отличительной чертой именно гродненских построек – мы видим его и в Нижней церкви, и в Пречистенской.

¹ Толщина стен в нижней части достигает всего 1,04–1,06 м, а уже на высоте около 1 м от основания стены, делая уступ, сужается еще больше, достигая толщины всего 75–76 см [2, с. 122].

² Об этом памятнике см.: [2, с. 78–104; 11, 12; 13, с. 103–104; 14, с. 64–65].

Другой необычной особенностью Борисоглебской церкви на Коложе является форма ее столбов. Все ее столбы на уровне основания имеют не прямоугольную или крещатую, а круглую форму (рис. 5),³ однако на определенной, причем довольно значительной, высоте форма столбов приобретают традиционно крещатое сечение [13, с. 104] (рис. 6).

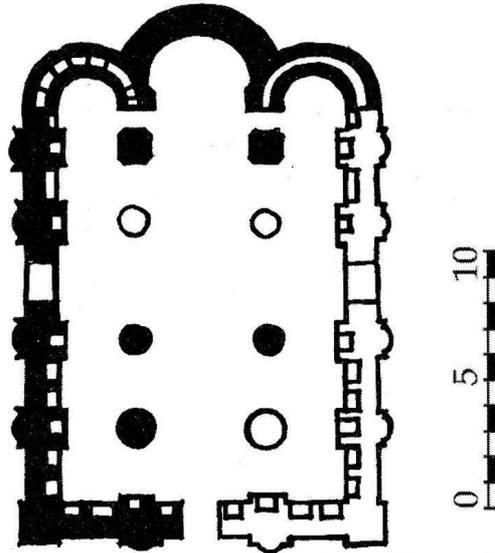

Рис. 5. Гродно. Церковь Бориса и Глеба (Коложская).
План

Необычную форму имеют и углы западных отрезков межапсидных стен – все их углы (учитывая, что межапсидные стены прорезаны проходами из центральной апсиды в боковые, и образуют предалтарное пространство – виму, их западные окончания превращаются как бы в еще одну, дополнительную, пару столбов и, таким образом, каждый из этих участков стены имеет не по два, а по четыре угла) скошены.

Столь же необычно и обилие ниш (со стороны интерьера) в нижней части северной, западной и южной стен храма. Назначение этих ниш определить затруднительно. Казалось бы, их можно считать аркосолиями, т.е. нишами, предназначенными для погребений, однако еще Н.Н. Воронин отмечал, что «для аркосолий они мелки и узки» [2, с. 89], к тому же ни в одной из них не открыто никаких следов погребений. Высказывалось предположение, что эти ниши были устроены как места для сидения [17, с. 369; 18, табл. I, текст], однако такая практика не известна ни в восточнохристианской, ни в католической литургической традиции, и предположить, что Гродно выступал здесь с какой-то совершенно нетрадиционной канонической инициативой было бы неоправданно большой натяжкой. Точно также нельзя принять и объясне-

³ Форма столбов этого храма уточнялась в результате исследований, проводившихся в памятники в различные годы. Так, в XIX в. считалось, что форму круглых колонн имели только четыре подкупольных столба, в то время как западная пара столбов была четырехгранной [15, с. 410]. Раскопки, проведенные в 1894 и в 1904 гг. П.П. Покрышкиным (их материалы, не опубликованные самим П.П. Покрышкиным, хранятся в архиве ИИМК РАН – Архив ИИМК РАН, фонд ИАК, д. № 233; фонд № 21, д. 546), вскрыли основание северо-западного столба, и оказалось, что он также имел круглую форму. В то же время на чертежах П.П. Покрышкина западная пара показана с большим диаметром, чем четыре подкупольных столба. Однако новые раскопки, проведенные в 1981 г. под руководством П.А. Раппопорта и О.А. Трусова (Общие сведения об этих раскопках см.: [16, с. 362–363]), показали, что на самом деле все круглые столбы-колонны Коложской церкви имели одинаковый диаметр, однако никакой ошибки в фиксации, проведенной П.П. Покрышкиным, нет. Выяснилось, «что чертеж Покрышкина совершенно точен, но вывод был сделан ошибочный. Дело в том, что столбы Коложской церкви имели в основании ступенчатый цоколь, аналогичный цоколю наружных стен этой же церкви. Покрышкин вскрыл самый нижний уступ этого цоколя, который, естественно, имел больший диаметр, чем сами столбы. В действительности все столбы Коложской церкви имели одинаковый диаметр, равный, судя по двум сохранившимся средним столбам, приблизительно 1,2–1,24 м» [14, с. 65].

ния, предложенного А.И. Некрасовым, высказавшим предположение о том, что эти ниши предназначались для установки в них статуй [19, с. 84]. Традиция установки внутри храма скульптуры в нишах возникает только в западноевропейской архитектуре эпохи Возрождения, а до этого не существовала ни в византийской, ни в романской или готической архитектуре.

Рис. 6. Гродно. Церковь Бориса и Глеба (Коложская).
Завершение столба

На наш взгляд, наиболее вероятно объяснение этого нетрадиционного композиционного элемента Н.Н. Ворониным. Он справедливо указал на то, что при условии обильного использования голосников в кладке было бы весьма сложно найти место на стенах храма для размещения росписи, поэтому его предположение о том, что «эти единственные свободные от голосников участки стен в нишах были использованы и для фресковых изображений отдельных фигур в рост или погрудных», – совершенно правильно [2, с. 89].

Если же искать какие-то возможные аналогии особенностям этого памятника, то, несмотря на все своеобразие его форм и приемов, мы найдем их либо в самой архитектуре Древней Руси, либо в архитектуре восточнохристианского, византийского, мира.

Попробем теперь очертить круг этих аналогий. Для этого обратимся сначала к одной из интереснейшей конструктивных особенностей памятника – круглой форме ее столбов и изменению их формы и сечения на прямоугольное примерно на той высоте, на которой должны были располагаться ее своды. В древнерусском зодчестве домонгольской эпохи такой прием практически не использовался,⁴ однако в архитектуре Византии IX–XII вв. именно такая композиция предстает перед нами в типе храма, обычно определяемом как «храм на четырех колоннах» [21, с. 64–67]. От традиционно византийского варианта, представленного такими памятниками,

⁴ Интересно, что на Руси мы находим пример такого решения столбов также в новгородском зодчестве XIV в. – в церкви Успения на Волотовом поле [20, илл. 16, 27], однако в этом памятнике изменение круглого сечения западных столбов на прямоугольное происходит не на уровне хор, как в Коложской церкви, а значительно ниже. В Волотовской церкви этот переход как раз и нужен для того, чтобы обеспечить основание для хор – перебросить от столба подпружные арки к западной и боковым (северной и южной) стенам подпружные арки, на которых покоится основание угловых камер на хорах.

Археалогія і фізічная антрапалогія Паўночнай Беларусі і сумежных тэрыторый у еўрапейскім кантэксце как, например, северная церковь монастыря Липса и церковь Богородицы монастыря Осиос Лукас, церковь Асоматон «Тесеу» в Афинах [22, с. 148, рис. Г], церковь Метаморфозис тон Сотиру в Афинах (рис. 7), церковь в Мессении (Греция) [23, р. 64–66, ill. 64], храм монастыря Кесариани близ Афин [23, с. 160–161], вариант этого типа, представленный в Коложской церкви, отличается тем, что он имеет еще дополнительную пару западных столбов, превращающих здание в шестистолпный храм. В византийских памятниках в тех случаях, если в них имелся нартекс, последний четко отделялся от основного, четырехколонного, объема храма, представляя собой самостоятельный объем. Именно в этом объеме и помещались хоры. Пример такого решения мы можем увидеть в северной церкви монастыря Липса в Константинополе [23, с. 72–74]. В Коложской же церкви нартекс четко не выделен, и западное членение храма на уровне первого яруса сливается с его основным объемом, в то время как на уровне второго яруса хоры, главный объем которых располагался как раз над дополнительным западным членением были совершенно изолированы от храмового пространства, в результате чего пришлось устраивать дополнительные деревянные хоры над боковыми нефами. Единственным примером в архитектуре Греции XII в., где так же, как и в Коложской церкви в Гродно, появляется дополнительная, западная, пара круглых опор является церковь Като-Панагия в Арте в Северной Греции [23, р. 51, ill. 24], однако и в ней, судя по сильно выступающим западным пилястрам в интерьере храма, находящимся на одной оси с западной парой круглых опор, нартекс представлял собой четко выраженный самостоятельный компартимент, что еще больше заметно при взгляде на внешний вид здания, в котором нартекс предстает перед нами как самостоятельно выделенный объем со своим перекрытием [23, ill. 23].

Рис. 7. Греция. Афины. Церковь Метаморфозис тон Сотиру.
Завершение столбов

Отмеченная особенность говорит о том, что создателем Коложской церкви был мастер, хорошо знакомый с искусством византийского мира, однако вряд ли следует видеть в нем непосредственно византийского мастера. Зодчий, работавший в Гродно, не менее хорошо был знаком и с традициями собственно древнерусского зодчества. Тип шестистолпного храма, в котором западная пара столбов лишь имитирует пространство нартекса, а не выделяет его в самостоятельный объем, как мы видим это на примере Коложской церкви, характерен именно для архитектуры Древней Руси, где он, начиная еще с Успенского собора Киево-Печерского монастыря, т.е. со второй половины XI в. получил широкое распространение. Само построение плана

и объема Коложской церкви говорит о том, что строивший ее зодчий вырос в традиции, где такое решение храмового пространства было глубоко укорененным и сам собой разумеющимся, но в то же время он был хорошо знаком и с построением пространства византийского храма на четырех колоннах. В своем творении – Борисоглебской церкви на Коложе в Гродно – он соединил как русский, так и византийский приемы решения храмового пространства, создав в итоге совершенно оригинальное произведение.

Если с этой точки зрения посмотреть на другие, кажущиеся нам необычными чертами Коложской церкви, то и мы найдем если не прямые аналогии, то предшествующие им по своей сути приемы решения, прежде всего в памятниках византийского круга. Так, применение больших валунов в кладке стен церкви Бориса и Глеба на Коложе очень напоминает кладку «opus mixtum», хорошо известную не только византийскому, но и древнерусскому зодчеству уже с конца X в. (см. такие памятники, как Десятинная церковь, Спасский собор в Чернигове, Софийские соборы в Киеве, Чернигове и Полоцке). Правда, на Руси кладка «opus mixtum» активно использовалась лишь в зодчестве конца X – начала XII вв., в основном, в киевском строительстве, и уже к началу XII столетия фактически выходит из употребления [7, с. 76]. Как правило, в технике «opus mixtum» в кладке сочетаются ряды камня с массивом плинфяной кладки, уложенной со скрытым рядом [7, с. 75–76; 24, с. 174]. В Коложской же церкви принцип употребления валунов в кирпичной кладке лишь внешне напоминает технику «opus mixtum» – валуны применены здесь не в сочетании с плинфяной кладкой со скрытым рядом, а использованы как элемент основного массива конструктивной основы стены, которая сложена в равнослойной технике.⁵ В этом плане техника, в которой сложены стены Коложской церкви, гораздо ближе другой системе кладки, также получившей широкое распространение в Византии, преимущественно в ее провинциальных областях, особенно на Балканах и в Причерноморье (Греции, Малой Азии, Болгарии и Крыму), и в другое время – в XII, XIII и XIV вв. [23, с. 214–224; 24, с. 173], причем, начиная со второй половины XII в. и особенно в Греции, доля каменных блоков в смешанной каменно-кирпичной кладке начинает заметно преобладать [26, с. 14].

При такой системе ряды камня перемежаются двумя или тремя рядами плинфы. В XII в. Русь уже смогла познакомиться с греческой системой кладки в таких памятниках, как церковь Благовещения в Витебске. Можно было бы предположить, что кладка именно этого здания и послужила прототипом кладки гродненских построек, однако и здесь мы не видим прямой аналогии. В Витебске, как и в большинстве греческих и болгарских памятников, использованы ряды правильных или почти правильных каменных квадров, в то время как в Гродно использованы валуны настолько неправильной формы, что ни о каких регулярных рядах плинфы, сочетающихся с валунами, говорить не приходится (регулярный характер плинфяная кладка Коложской церкви принимает лишь в верхних частях здания, т.е. где валуны уже не используются).

И, все же, весьма близкую аналогию кладке Коложской церкви и других гродненских памятников XII в. мы можем указать, и находим мы ее также на Балканах – в Греции, причем только в очень четко очерченном регионе: в Северной Греции, в районе Арты, Монемвасии и Кастории, а также в ряде памятников Македонии и Болгарии, где с XII по XIV вв. кладка велась, в основном из крупных, грубо обработанных, блоков камня и даже валунов, а плинфа использовалась в конструкции стены лишь для выравнивания рядов и в конструкциях сводов и арок [27, с. 266, 275, 279]. Р. Краутхаймер даже предложил рассматривать памятники этого региона как самостоятельную строительную школу Арголиды и Навплиона, функционировавшую с середины XII по XIV вв. включительно, хотя основы ее мы можем увидеть еще в строительстве этого региона XI – начала XII вв. [27, с. 279]. Примеры этого типа кладки мы можем увидеть в таких памятниках как церкви Агии Анаргири [22, с. 190], Панагии Кумбелидики [22, с. 191;

⁵ На сходство гродненской кладки с кладкой «opus mixtum» обратил внимание еще Н.И. Брунов, считавший даже возможным возводить происхождение гродненских памятников непосредственно к киевскому зодчеству XI в. [25, с. 8–9]. Однако Н.Н. Воронин совершенно справедливо возразил ему, указав на чисто внешнее сходство примененного в Гродно приема с кладкой киевских памятников раннего этапа и на откровенно декоративный характер использования блоков камня в гродненских памятниках [2, с. 144].

Археалогія і фізічная антрапалогія Паўночнай Беларусі і сумежных тэрыторый у еўрапейскім кантэксце [27, с. 270, рл. 166] в Кастории, церковь св. Созона в Гераки [23, р. 240, fig. 111], церковь в Скала близ Гитиона [23, fig. 271], церковь Влахернского монастыря [26, ill. 279] и церковь св. Феодоры в Арте [26, ill. 280].

Правда, и в этом случае в гродненских памятниках мы видим не буквальное повторение северно-греческой кладки, а, скорее, стилизацию под нее – почерк гродненских мастеров показывает, что, будучи хорошо знакомыми с кладкой, применяемой в Греции, они все же работают в русле уже сложившейся строительно-технической традиции, лишь внешне имитируя либо подражая им, либо откровенно заказанную фактуру стеновой поверхности. О том, что использование в них структуры кладки, применявшейся, в основном, в архитектуре Греции, не было прямым переносом греческой техники кладки на русскую почву, говорит и такое смелое, в конструктивном отношении решение, как активное введение в стеновую кладку голосников, необходимость чего, как мы уже видели, была вызвана задачей максимально облегчить массу стены. В самой Греции такой прием никогда не применялся, и стены греческих построек рассматриваемого времени отличаются большой толщиной и массивностью, в то время как стены гродненских построек, как мы видим это на примере Коложской церкви, наоборот, необычайно тонки. Поэтому у нас есть основания считать, что создатели Коложской церкви лишь имитировали структуру кладки, свойственную архитектуре Греции средневизантийского времени, а сами привыкли работать с другой системой кладки – равнослойной кладкой из плитки, зная при этом и характер кладки построек Северной Греции, и уже хорошо известную на Руси, но ставшую ко времени начала строительства в Гродно анахронизмом кладку «opus mixtum». Используя и смело сочетая особенности всех известных им типов кладки, гродненские мастера в итоге создали совершенно самостоятельный, не имеющий прямых аналогий вариант каменно-кирпичной кладки.

Говоря о возможном знакомстве создателей гродненских памятников с архитектурой Северной Греции, нельзя не вспомнить и о такой особенности построек древнего Гродно, как использование в декорации их фасадов орнаментальных композиций, выполненных из поливных керамических плиток, а также декоративных вставок, в роли которых выступают поливные керамические блюда. Аналогии такой декоративной системе убранства фасада мы не можем найти ни в одной из школ древнерусского зодчества. Однако именно такой способ декорации стен был характерен для той же Северной Греции. Именно школа Эпира (Арты и ее округа) отличалась от архитектуры все остального византийского мира использованием вставку в кладку фасадных поверхностей стен керамических плиток, образующих целые орнаментальные композиции [22, с. 167; 23, с. 252–264]. В качестве примера можно привести такие памятники этого региона как церковь Агии Анаргии в Кастории [22, с. 167, 190], церкви св. Феодоры [26, ill. 280] и Агиос Василеос в Арте [23, fig. 120] (рис. 8), церковь Агиос Харалампос в Каламате [23, р. 255–256, fig. 115, b, d-f, 116], церковь в Мербаки [23, fig. 118]. Особой декоративностью отличались постройки, возведенные в Арте. Помимо уже упомянутых церквей св. Феодоры и св. Василия можно назвать еще такие храмы, как церкви Богоматери, Пиргоритиссы, Николая Родиа, Коккинис, Като-Панагии [28, с. 71].

И уже, несомненно, именно со знакомством с системой декорации фасадов в Северной Греции связан столь необычный для Древней Руси, но типичный именно для этого региона прием использования в качестве фасадных украшений вставок поливной керамической посуды [29, с. 145–162]. С этим приемом мы сталкиваемся в таких памятниках Северной Греции как церкви в Лукизии (Беотия), Гастуни и уже упоминавшейся нами церкви в Мербаки, в церкви Агия Феодори (рис. 9) и кафоликоне Влахернского монастыря в Арте, церкви Агия Айкатерини в Афинах (рис. 10), а также многих других памятниках XII–XIII вв., где они сочетаются с орнаментальными композициями из керамических плиток [28, с. 71]. В XII же столетии этот прием был позаимствован из Греции в Болгарию (церковь Дмитрия в Тырново) [28, с. 115], где приобрел особую популярность уже в архитектуре XIII–XIV вв. [30, с. 198; 31, с. 310]. На Руси же единственным центром, где прием декорации фасадов керамическими плитками и поливными блюдами нашел свое отражение, стал Гродно (Коложская и Нижняя церкви).

Однако несмотря на поразительное совпадение приемов украшения фасадов в гродненских постройках и постройках Греции следует признать, что и здесь, как это было в случае с самим характером кладки, гродненские мастера не заимствуют эти приемы буквально, а применяют их по своему – так плитки, из которых выполнялась фасадная декорация греческих храмов в большинстве случаев (за исключением церкви Агиос Василеос в Арте) были не поливные, а терракотовыми, иногда – с рельефом (так называемая «керамопластика») [23, р. 252–264, fig. 115, с-f, 116], в то время как в Гродно для украшения стен были использованы традиционные для Руси поливные керамические плитки, которые, однако, нигде кроме Гродно не помещались на фасадные поверхности, а служили только для набора полов.

Рис. 8. Греция. Арта. Церковь Агиос Василеос.
Использование поливных керамических плиток в декорации фасада

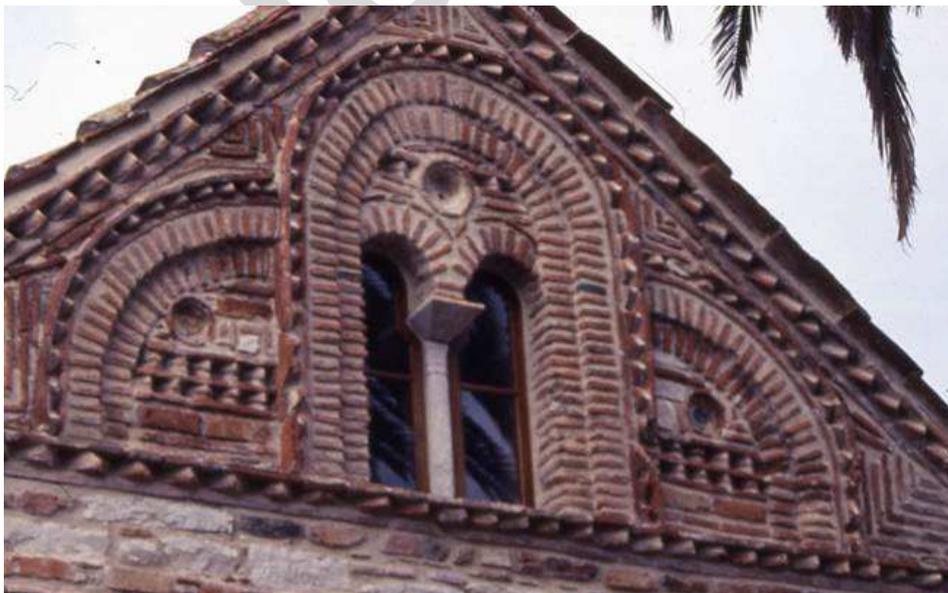

Рис. 9. Греция. Арта. Церковь Агия Феодори.
Гнезда для вставки на фасад поливных керамических сосудов

Рис. 10. Греция. Афины. Церковь Агиа Айкатерини.
Использование поливного керамического блюда в декорции фасада

Говоря о церкви Благовещения в Витебске, следует отметить, что, пожалуй, наиболее характерным признаком, свидетельствующим о прямой связи витебской церкви с архитектурой византийских провинций на Балканах, является кладка, в которой она возведена. Ее стены сложены из рядов тесаных квадратов, перемежающихся сдвоенными или строенными рядами плинфы (рис. 11). На территории Руси эта техника нигде не применялась, но в византийских провинциях – Греции (рис. 12), Болгарии, Сербии, Македонии, Крыму – она получила широчайшее распространение и была основным типом используемой там кладки с X по XV вв.

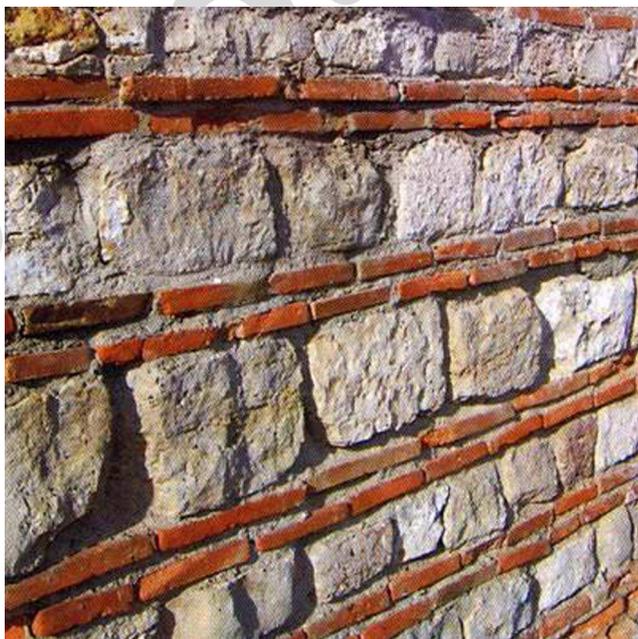

Рис. 11. Витебск. Церковь Благовещения.
Фрагмент кладки

Рис. 12. Греция. Окрестности Арты.
Влахернский монастырь. Церковь Като Панагия.
Фрагмент кладки

Обратимся теперь к собору Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Введение в конструкцию завершения здания тяжеловесной конструкции постамента значительно увеличила нагрузку на традиционную конструкцию, состоящую из подпружных арок, опирающуюся на четыре подкупольных столба. Поэтому зодчий пошел в этом здании на то, что в ущерб его внешним формам он пожертвовал интерьером. Стремясь максимально передать нагрузку массивного барабана не только на столбы, но и на стены здания, он сделал боковые нефы необычайно узкими, а стены массивными. Ничего подобного ни в предшествующем Спасскому собору древнерусском зодчестве, ни в архитектуре Византии не было. Поэтому неудивительно, что исследователи нередко сравнивали почерк зодчего, создавшего этот собор, с почерком скульптора.

Именно это обстоятельство и дало повод А.И. Некрасову говорить о том, что Спасский собор Евфросиньевского монастыря представляет собой здание-примитив, в котором воплощено «сознание примитивной среды, содержащее отзвуки родового быта» [19, с. 86]. В отличие от А.И. Некрасова, Н.И. Брунов, считавший Спасо-Евфросиньевский собор выдающимся произведением, предвосхитившим дальнейший ход развития русского зодчества, тем не менее, сходился с ним в том, что отход от византийской традиции в этом памятнике был вызван примитивизмом зодчего, создавшего этот собор. По мнению Н.И. Брунова, создателем собора был «не только русский мастер, но мастер, не получивший вполне законченного византийского архитектурного образования ... самоучка или, может быть, плотник, наспех обучившийся кирпичной технике и не успевший еще глубоко с ней освоиться» [32, с. 124]. Правда, именно это, по мнению Н.И. Брунова, и определяет исключительно важное значение памятника в истории всей русской архитектуры: «Наш архитектор при этом легко мог видоизменять византийские формы и вносить свои добавления. Последнее оказалось очень ценным, так как мастер был бесспорно художественно одаренным человеком, мыслящим очень самостоятельно» [32, 124]. Н.Н. Воронин, возражая Н.И. Брунову, писал, что «никакой надобности в «византийском архитектурном образовании» для русских зодчих XII в. не было и быть не могло: за их спиной стоял длительный опыт **самостоятельного** каменного строительства» [33, с. 262]. Считая, что своеобразие архитектуры собора Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке является не следствием слабости и неопытности «художественно одаренного», но «необразованного» самоучки-зодчего, а, напротив, результатом «большого творческого подъема в полоцком зодчестве XII в.» [33, с. 262], Н.Н. Воронин поставил перед исследователями задачу найти истоки этого своеобразие и проследить пути дальнейшего развития в древнерусском зодчестве стилистики, заложенной в архитектуре Спасо-Евфросиньевского собора.

Рис. 13. Полоцк. Спасский собор Евфросиньевского монастыря.
Интерьер

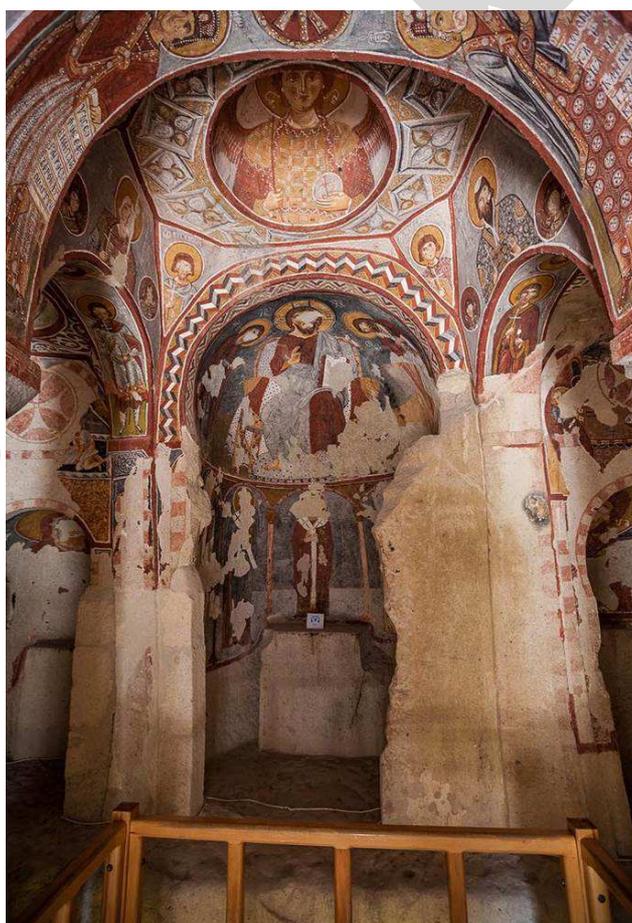

Рис. 14. Малая Азия. Каппадокия. Церковь Эльмалы-Килиссе. Интерьер

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что внутри Спасский собор был не только тесным, но и темным (см. рис. 13). Открытие галерей, окружавших храм с трех сторон, привело к пониманию того, что их существование не давало возможность осветить храм через окна, которые могли бы располагаться на фасадах.

Эти черты (жертвование пространством интерьера, сильная затемненность храма), а также умение мастера создавать из архитектурного объема пространственно-пластическую массу заставляет нас вспомнить о таком необычном типе храма, как скальные храмы, получившие распространение в горных районах византийских провинций – особенно, в Каппадокии (Малая Азия) (рис. 14). Здесь объемы крестовокупольных храмов высекались внутри скал, а зодчим приходилось откровенно выполнять роль скульпторов. Внутри пространство этих храмов столь же стесненное и темное, как и в соборе Евфросиньевского монастыря. Однако в отличие от полоцкого памятника, в котором интерьер заведомо приносился в жертву внешнему облику здания, в храмах Каппадокии, внешний облик храмов сам по себе вообще не существовал в качестве архитектурно решенной структуры.

Есть ли какая-либо связь между миром монастырских церквей Каппадокии и Спасским собором Евфросиньевского монастыря, сказать сложно. Вполне возможно допустить, что мастер Иоанн – автор полоцкого храма, мог быть знаком с каппадокийскими храмами и вдохновляться ими. Однако при этом он создал совершенно оригинальное архитектурное сооружение, оказавшее существенное влияние на последующее развитие всего древнерусского зодчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раппопорт, П.А. Древнерусская архитектура / П.А. Раппопорт. – СПб., Стройиздат, 1993.
2. Воронин, Н.Н. Древнее Гродно / Н.Н. Воронин. – М., Из-во АН СССР, 1954.
3. Гуревич, Ф.Д. Древние города Белорусского Понеманья / Ф.Д. Гуревич. – Минск, 1982.
4. Любавский, М.К. Очерк истории литовско-русского государства / М.К. Любавский. – М., 1910.
5. Baumgarten, N. de. Généalogies et mariages occidentaux des rurikides russes du Xe au XIIIe siècle. Vol. IX-1 / N. De Baumgarten // *Orientalia Christiana*. – Roma, 1928.
6. Данилевич, В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. / В.Е. Данилевич. – Киев, 1896.
7. Раппопорт, П.А. Строительное производство Древней Руси. X–XIII вв. / П.А. Раппопорт. – СПб.: Наука, 1994.
8. Трусов, О.А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв. / О.А. Трусов. – Минск, 1988.
9. Choisy, A. L'art de bâtir chez les byzantins / A. Choisy. – Paris, 1883.
10. Demangel, R. Le quartier des Manganes et la première région de Constantinople / R. Demangel, E. Mamboury. – Paris, 1939.
11. Корчинский, И. Древняя Коложская церковь во имя св. князей Бориса и Глеба в г. Гродно / И. Корчинский. – Гродно, 1908.
12. Jodkowski, J. Świątynia warowna na Kołozy w Grodnie / J. Jodkowski. – Grodno, 1936.
13. Раппопорт, П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников / П.А. Раппопорт // *Археология СССР. Свод археолог. источников*. Вып. Е1-47. – Л.: Наука, 1982.
14. Раппопорт, П.А. Новые данные об архитектуре древнего Гродно / П.А. Раппопорт // *Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в.* – М.: Наука, 1988.
15. Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси. Вып. IX. – Вильна, 1870.
16. Трусов, О.А. Археологическое изучение архитектурных памятников Белоруссии / О.А. Трусов // *АО 1981*. – М., 1983.
17. Грязнов, В. Коложская Борисо-Глебская церковь в Гродне / В. Грязнов // *Тр. Вилен. предвар. ком. по устройству IX археолог. съезда*. – Вильна, 1893.
18. Суслов, В.В. Памятники древнерусского зодчества. Вып. VI / В.В. Суслов. – СПб., 1900.
19. Некрасов, А.И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века / А.И. Некрасов. – М., 1936.
20. Вздорнов, Г.И. Волоотово / Г.И. Вздорнов. – М.: Искусство, 1989.
21. Комеч, А. Храм на четырех колоннах и его значение в истории византийской архитектуры / А. Комеч // *Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа*. – М.: Наука, 1973.
22. Полевой, В.М. Искусство Греции. Средние века / В.М. Полевой. – М.: Искусство, 1973.
23. Millet, G. L'école grecque dans l'architecture byzantine / G. Millet. – Paris, 1916.
24. Ousterhout, R. Master Builders of Byzantium / R. Ousterhout. – Princeton, 1999.
25. Брунов, Н. Архитектура Софийского собора в Новгороде. Новейшие исследования / Н. Брунов, Н. Травин // *Сообщения Ин-та теории и истории архитектуры*. Вып. 7. – М., 1947.

26. Mango, C. Byzantine architecture / C. Mango. – New York, 1974.
27. Krautheimer, R. Early christian and byzantine architecture. 1st edition / R. Krautheimer. – Harmondsworth-Baltimore-Ringwood, 1965.
28. Якобсон, А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Византия, Греция, Южнославянские страны, Русь, Закавказье / А.Л. Якобсон. – Л. : Наука, 1987.
29. Megaw, A.N.S. Glazed bowls in byzantine churches / A.N.S. Megaw // ΔΧΑΕ, Т. 4. Αθήναι, 1964.
30. Панайотова, Д. Архитектура / Д. Панайотова // История на българското изобразително изкуство. Т. I. – София, 1976.
31. Георгиева, С. Керамика / С. Георгиева // История на българското изобразително изкуство. Т. I. – София, 1976.
32. Брунов, Н.И. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X–XII вв. / Н.И. Брунов // Рус. архитектура. – М., 1940.
33. Воронин, Н.Н. У истоков русского национального зодчества / Н.Н. Воронин // Ежегодник Ин-та истории искусства. 1952. – М. : Изд-во АН СССР, 1952.

**TO THE QUESTION ABOUT BYZANTINE TRADITION IN WESTERN RUSSIA
ARCHITECTURE
OF XII CENTURY (GRODNO, VITEBSK, POLOTSK)**

O. IOANNISYAN

The architecture of Vitebsk, Grodno and Polotsk presents features, the similarity with which is quite specific address – just on the other side of the Christian world of the Middle Ages – in the countries of Eastern Christian (Byzantine) of the world. As part of this report it is not intended to detail the ways of their penetration into the Western Russia architecture, but only to draw attention to this fact.

Keywords: *architecture, Byzantine traditions, Polotsk, Grodno principality.*